

Елена
Львова



МОЙ СЛУЧАЙНЫЙ
БОСС-МОРОЗ

Елена Львова
Мой случайный Босс-Мороз
Серия «Боссы», книга 1

<https://litres.ru/73804969>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что может быть проще, чем подменить сестру на пару дней? Пожить в роскошном доме, наряжать ёлку и готовиться к корпоративу. Но я не учла одного — ее новый Босс Мороз педантичный, подозрительный и безумно привлекательный. И он уверен, что я — хаос в человеческом обличье, призванный разрушить его безупречную жизнь.

Теперь у меня две невыполнимые задачи: спасти самый важный праздник в году и не выдать, что мое собственное сердце уже перешло на сторону «противника». И, кажется, проигрывает с огромным удовольствием.

Содержание

Глава 1. Вера	4
Глава 2. Артем	13
Глава 3. Вера	25
Глава 4. Артем	33
Глава 5. Вера	41
Глава 6. Артем	50
Глава 7. Вера	56
Глава 8. Артем	61
Глава 9. Вера	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Елена Львова

Мой случайный Босс-Мороз

Глава 1. Вера

Звонок в дверь.

Я вздрагиваю от неожиданности и выплескиваю кофе прямо на планшет.

На экране расплывается заставка: **«Начать новую жизнь»**.

— Блин! — бурчу сквозь зубы, вытирая планшет салфеткой. — Немного не так я представляла себе начало новой жизни!

Кофе пахнет отчаянной попыткой выжить в пятом часу вечера. Мой хвост не идеален, но аккуратен, пара выбившихся прядей только добавляют живости, свитер теплый, домашний, один из тех, что невозможно не любить, а носки... ну, скажем, у них разные взгляды на жизнь: горох и снежинки. Разноцветные носки — это моя маленькая радость. А вокруг моя квартира: свечи, книги, предметы, расставленные с любовью, каждая мелочь, как маленькая история.

— Кого там несет в такое время? — ворчу, подходя к двери.

— Верунь, это я! — раздается знакомый голос. Это моя

сестра. — У меня ЧП. Срочно нужна твоя помощь.

Я распахиваю дверь и вижу ее, идеальную, как всегда.

Аня Корабельникова — моя полная противоположность. Безупречная укладка, бежевое пальто, каблуки, духи «успех и порядок». Гордость родителей и мой личный повод для самоиронии.

— Я ненадолго, у меня совсем мало времени, — говорит она, уже скользя взглядом по квартире, как контролер по санитарным нормам.

— Очередной дедлайн? — тяну я, машинально задвигая стопку чашек за кофеварку.

— Что-то вроде того... Верунь, как ты можешь жить в такой растрепанной квартире? И почему ты в разных носках?

— Ты уверена, что пришла именно за этим? — приподнимаю бровь.

— Ой, нет, прости, — машет рукой. — Просто я всегда удивлялась твоей терпимости к хаосу.

— Во-первых, это не хаос, а *вайб*, — парирую я. — Творческий беспорядок, если тебе так понятнее. Во-вторых, я сейчас лопну от любопытства или начну тебя пытаться.

— Да, пора переходить к основному вопросу, — голос Ани мгновенно становится деловым, как будто она проводит совещание с подрядчиками. — У меня вышла накладка с заказом. Я не успеваю сдать предыдущий проект, а завтра должна быть на новом объекте за городом.

— Тоже мне проблема. Пусть новый клиент подождет па-

ру дней, подумаешь.

— Этот не подождет, — мрачно сообщает она. — Он повернут на точности и перфекционизме. Все должно быть по графику, секунда в секунду, иначе он откажется. А это большие деньги, Вера. Клиент платежеспособный, но... требовательный.

— Ну так пусть пошлют другого менеджера. Я-то здесь при чем?

Аня закатывает глаза.

— Мой начальник сказал, что клиент поставил условие — работать только со мной. Я, цитирую, *самый системный и стабильный менеджер в городе*, если ты забыла.

Так вот... Замени меня на пару дней, а?

— Я? — это даже не смешно. — Звучит, как «держи гранату, она безопасна».

— Всего пару дней. Никто даже не заметит. Клиент будет приезжать раз в неделю, ему нужны только ежедневные фотоотчеты. Ты справишься, честно. Просто встретишь подрядчиков по графику и проверишь, что все привезли по списку.

— Ань, где я и где графики? Я понятия не имею, что там делать!

— Просто будь собой. Только... представляйся: Анна Корабельникова, компания “Все под контролем”.

— А если я случайно скажу: «Вера Корабельникова»?

— Вера! Не скажешь! — рывкает она, потом смягчается.

— Вот, просто надень мой бейдж.

Я беру бейдж и рассматриваю его, как бомбу замедленного действия.

— Все равно идея не выдерживает критики.

— Верочка, — Аня делает ту самую интонацию, которой обычно приручают тигров и уговаривают мужа вынести елку в апреле, — ты даже не представляешь, сколько сможешь заработать за эти два дня. Ты же давно мечтаешь об аэрографии на своего Мурзика?

Я прищуриваюсь.

— Это запрещенный прием. Бьешь ниже пояса, сестренка. — этот аргумент, как будто накидывает розовую пелену на мои глаза.

— Просто это тот самый случай, когда цель оправдывает средства. Тебе — аэрография. Мне — репутация лучшего менеджера в городе. По рукам?

Я театрально вздыхаю.

— Ладно. Но если меня уволят с твоей работы, я не виновата.

— Всего пару дней, что может пойти не так?

— Ань, все великие катастрофы начинаются именно с этих слов.

— Не нагнетай, — отмахивается она. — Вот тебе мой ежедневник, там все расписано по шагам. Просто следуй графику, ладно? И вот ключи, но, думаю, они тебе не понадобятся — администратор всегда на месте, встретит, все покажет. Я

побежала. Завтра в 10:00 будь на объекте, не опаздывай.

Она исчезает так же стремительно, как и появляется, вихрем деловых духов и уверенности в завтрашнем дне. А в квартире кофе, хаос и я, с ежедневником в руках и четким предчувствием того, что мое «новое начало» завтра превратится в полнометражную катастрофу.

Я смотрю на ее ежедневник и вздыхаю.

— *Начать новую жизнь*, говоришь? Ну что ж... Начала, Вера. Поздравляю.

Закрываю за сестрой дверь, и улыбка сама расплзается по лицу.

Ну что, очередная авантюра сама нашла свою героиню.

Открываю ежедневник, пролистываю пару страниц с таблицами, стрелочками и какими-то мистическими формулами Аниного порядка. Закрываю с ужасом.

— Кто все эти цифры? — смеюсь я, будто они сейчас ответят.

Так уж сложилось, что у Ани красный диплом престижного университета, а у меня пожизненное звание «мастер импровизации». Две родные сестры — два полюса одной вселенной. Мы любим друг друга, но взаимопонимание... где-то потерялось в зоне турбулентности.

Завтра. Десять ноль-ноль. Без опозданий.

Задача заведомо провальная. Миссия невыполнима и обречена еще до старта.

— Итак, госпожа Импровизация, какие предложения? —

спрашиваю себя.

Ответ очевиден: не тянуть кота за хвост, а ехать с вечера, чтобы с утра быть на месте.

Воодушевленная собственной гениальной идеей, я хватаю рюкзак и начинаю сборы.

В рюкзак летит все необходимое на два дня: планшет, Анин ежедневник, маркеры, блестки (моя визитная карточка уже лет десять) и весь женский набор мелочей, который обязательно спасет мир.

Удаленно завожу своего красавца — *Мурзика*, гордость моего любимого красного цвета и объект моей нескромной любви.

Обуваюсь, наматываю любимый шарф в цвет Мурзика и выбегаю на улицу.

Морозный воздух хлесткий и чистый, небо в снежной дымке, а крупные хлопья падают прямо на лицо, словно кто-то сверху решил добавить спецэффектов в мой вечер.

Я улыбаюсь и думаю: *вот она, настоящая зима — та, из детства, где все еще кажется возможным.*

Подхожу к машине, и улыбка становится шире. Совсем скоро мечта исполнится: аэрография, красный блеск, и мой Мурзик наконец-то будет выглядеть так, как чувствую себя я — слегка безумно, но со вкусом.

Запрыгиваю в салон, включаю навигатор и, не оглядываясь, лечу по заснеженным дорогам навстречу своему очередному приключению.

Пусть мир попробует угнаться за Верой Корабельниковой.

Музыка орет на всю машину. Я визжу в такт, бью пальцами по рулю и ощущаю себя рок-звездой на гастролях.

Мурзик поддает газу, снежинки носятся в свете фар, как фанаты на концерте.

— Вот она, новая жизнь! — кричу я в пустоту, и радио, будто подыгрывает:

*«Опять мне кажется, что кружится моя голова
Мой мармеладный, я не права»*

Именно в этот момент навигатор заявляет:

— «Вы прибыли в пункт назначения».

Я въезжаю на территорию загородного комплекса, торможу у ворот и вижу высокого мужчину. Стоит, как из рекламы: куртка, перчатки, серьезное лицо.

Ага, администратор. Какой-то суровый, но симпатичный.

Выхожу из машины:

— О, отлично, а вот и вы! Добрый вечер. Приятно, что встречаете прямо на улице. А как догадались, что я приеду именно сейчас?

Мужчина поворачивается, спокойно, чуть прищурившись:

— Наверное, интуиция.

— Впечатляет! Я — Анна Корабельникова, компания «Все под контролем».

— Артем, — произносит он сухо.

— О, прекрасно. Тогда быстро: где душ, кофе и моя комната? Я хочу все осмотреть до приезда заказчика, чтобы завтра не было сюрпризов.

— Комната? — его бровь поднимается чуть выше. К чему бы это?

— Ну да! — хохочу я, будто все очевидно. — Если клиент у вас такой же, как говорят... Мне нужно подготовиться, а то он, не дай бог, придет раньше времени, и конец всему!

— И что же о нем говорят? — холод в его голосе усиливается.

— Ну... — я подпрыгиваю на месте от энтузиазма. — Что он невероятно придирчивый, требовательный, занудный перфекционист! Честно, я таких терпеть не могу и стараюсь избегать.

Пауза. Лед в его взгляде сгущается.

— Отлично — он делает шаг ближе. — Было любопытно узнать, что обо мне думают.

— О вас? — я моргаю. — В смысле...?

И только сейчас до меня начинает доходить...

Он произносит медленно, отчеканивая каждое слово:

— Артем Лагутин. Тот самый «занудный перфекционист».

Воздух вокруг меня леденеет.

— ...Ой...

— Вы уволены.

Он разворачивается и уходит в дом, оставляя меня посреди снега с открытым ртом и ощущением, что меня только что переехал каток.

Глава 2. Артем

Мой мир звенит от порядка. Я люблю, когда все четко, ровно, стабильно. Видимо, именно поэтому за шесть лет я вывел свою компанию в десятку самых влиятельных в Москве.

Никакой магии — только структура и самодисциплина. Для меня не бывает мелочей. Даже ноутбук должен быть открыт ровно на девяносто градусов. Кофе — строго без сахара.

Когда живешь по расписанию, стрессовых ситуаций не бывает. А если случаются — значит, кто-то где-то нарушил график. Я сижу в своем офисе на двадцатом этаже. Все, как я люблю — стекло, бетон, панорамные окна. Символ успеха и доказательство того, что я не зря пахал как конь. Каждый метр этого кабинета — результат моих решений. Каждый успех — моя личная заслуга.

Подхожу к окну. Отражение в стекле подтверждает все, что я и так знаю: я выгляжу как человек, у которого действительно все под контролем. Высокий, собранный, дорогой костюм.

Понятно, почему на меня охотится половина светского бомонда. Только у меня нет времени на театры и рестораны. Есть девушка — умная, красивая, согласная с моим графиком.

Среда — встречи, пятница — звонок. Без сюрпризов. Мне этого достаточно.

За окном хлопья снега кружатся над Москвой, в свете прожекторов похожие на белый шум. Красиво? Возможно. Хотя я бы немного упорядочил этот хаос.

Возвращаюсь к столу. Через семь минут — созвон с друзьями. Наш «круг шести» жив до сих пор. Мы знакомы еще с института, каждый пошел своим путем, но, как ни странно, все добились успеха. Раз в неделю мы собираемся, чтобы вспомнить, кто мы были, и кто из нас теперь самый “взрослый”. В эти моменты я могу почувствовать себя мальчишкой, как тогда, в институте.

Телефон вибрирует. Сообщение от клиента:

Клиент: “Вечер добрый! Уточняю по поводу завтрашней отгрузки. Все без изменений?”

Я: “Да, все по графику. Не задерживайте оплату.”

Клиент: “Добро. На связи.”

Поднимаю взгляд на монитор — и замираю. На экране вместо делового циферблата бегают анимированные олени, сверкают гирлянды, падает снег, и огромными буквами сияет:

“Праздник к нам приходит.”

Я шурю. Что за черт?

Беру телефон.

— Настя, — говорю ровно. — Что я сейчас вижу на своем экране?

— Простите, Артем Сергеевич, — отвечает ассистентка виновато. — Это новая заставка по всей корпоративной сети. Скоро Новый год, хотелось немного праздника.

— Уберите, — коротко бросаю я. — Это отвлекает.

— Но... сотрудники...

— Настя. — Делаю паузу. — Праздник у нас в отчетности, когда цифры сходятся.

— Поняла.

Кладу трубку и на пару секунд задерживаю взгляд на этих идиотских оленях.

Они скачут, как будто знают, что меня это раздражает.

Возвращаюсь к цифрам. Все снова ровно, спокойно. Хотя внутри — странное ощущение, будто где-то в моем идеально выстроенном мире уже начался сбой.

Проверяю время — 19:00 ровно. Через секунду на экране ноутбука вспыхивает входящий звонок: **«Круг шести»**. Улыбаюсь. Минуту в минуту. Где-то подвох.

На экране появляются трое — Сева, Марк и Даниил. Сева, как всегда, в наушниках, что-то жует. Марк — с бокалом, расслабленно откинулся в кресле. Даниил — в спортивной кофте, явно подключился из машины.

— Ну что, Лагутин, — начинает Марк с ухмылкой, — в этом году ты наш Босс Мороз? План вечеринки уже готов?

— У него не просто план, — встревает Сева. — У него план планов, версия три точка ноль.

— Надеюсь, обойдемся без Excel и конкурсов по регла-

менту, — фыркает Даниил. — А то я до сих пор помню тот волшебный год: “Сдайте бокалы до 23:55, чтобы тост прозвучал по графику”.

— Эй, — говорю я, — зато все прошло идеально.

— Конечно, идеально, — ухмыляется Марк. — Даже снег тогда шел по расписанию.

— Главное, не дай нам уснуть, — вставляет Сева. — Мы стареем, уже не вывозим твои корпоративы с KPI и дедлайнами.

— Хватит уже, — закатываю глаза. — Я не клинически больной.

— Это под вопросом, — невозмутимо отвечает Даниил. — Справка-то есть?

— Придется поверить на слово, - делаю паузу, отпиваю кофе. — На самом деле все просто. Вопрос вечеринки я уже делегировал. Провел анализ, сравнил рейтинги, выбрал лучшего менеджера-организатора города. Дорогая, зараза, но работает как швейцарские часы. Компания “Все под контролем”.

— Ага, — смеется Сева. — С названием тебе повезло. Альтернативы ты, наверное, даже не рассматривал.

— Совпадение, — отмахиваюсь. — Меня интересовал результат. Девушку зовут Анна Корабельникова.

— О, я слышал, — оживляется Марк. — Про нее ходят легенды. Говорят, она идеальна, как тайм-менеджер из учебника.

— Именно, — киваю я. — Мне даже контролировать ни-

чего не нужно. Пару фотоотчетов, и раз в неделю личный визит. Все.

— Ну все, мужики, — вздыхает Даниил. — Пиши пропало. Кто-то другой займется этим домом, пока наш Артем сидит в офисе и верит в чудеса делегирования.

— Разве можно кому-то доверять в этой жизни? — фальшиво вздыхает Сева. — Хочешь сделать хорошо — сделай сам.

— Так, все, — поднимаю руку. — В этом году очередь за мной, значит, ответственность на мне. Закрыли тему.

— Ну смотри, — подмигивает Марк. — Если у твоей идеальной Анны елка рухнет на банкет, я первым сниму это в сторис.

— Даже не сомневаюсь. Ладно, лучше скажите, что у нас с баней завтра? В шесть у тебя, Марк?

— Да. И не опаздывай, мистер “Тайм-менеджмент”.

— Очень смешно.

— Короче, — хохочет Сева, — с тебя виски и девочки.

— Нет-нет, девочек оставьте мне, — вставляет Даниил.

— А то опять приведет этих... как их... «блогершу и ее подругу-блогершу».

— Эй, они были интересные собеседницы, — защищаюсь.

— Конечно, — фыркает Марк. — Особенно та, что заснула в сауне с бокалом.

— Ладно, — усмехаюсь. — По виски я действительно спец. А вот по женщинам...

— Да это мы заметили, — Сева ухмыляется. — Твоя Элен дважды в неделю по графику. Как бизнес-завтрак.

— Идеально работает, — отвечаю спокойно. — Мне больше не нужно.

— Мы поняли, — смеется Даниил. — На свадьбе у тебя нам не погулять.

— Любовь и бизнес несовместимы. Да и в кого влюбляться? Вон их вокруг толпы, я уже лица не различаю. Запомнил Элен — и хватит.

— Ну тогда, может, в эту Корабельникову? — усмехается Марк. — Два сапога пара: она — “все под контролем”, ты — “все под микроскопом”. Будете детей по расписанию делать.

— Ха-ха, очень смешно.

— Мы стараемся, — говорит Сева. — Чтобы хоть кто-то тебя рассмешил, а то состаришься раньше времени. Смех, говорят, жизнь продлевает.

— Все, шутники. Я отключаюсь. Через час ужин с Элен, а вы — идите готовьте баню к завтрашнему дню.

— Как она тебя терпит, Лагутин? — вздыхает Марк.

— За такие бабки и черта лысого терпеть будет, — улыбаюсь. — До завтра.

Отключаю звонок.

На экране календарь:

18:00 — Элен. Ресторан.

Пальцы замирают на клавиатуре. «А ведь я даже дом этот не видел своими глазами, — мелькает мысль. — Выбрал по

фото и видео. Может, парни правы?» Корабельникова. Репутация, рейтинги, рекомендации. Но... лучше бы проверить все лично.

Стираю «Элен. Ресторан» и набираю:

“Проверить дом.”

Секунда сомнений — и Enter.

План изменен. Пишу Элен смс: «Сегодня встреча отменяется. Напишу позже»

Даю Насте пару указаний, закрываю ноутбук, беру куртку и спускаюсь на парковку.

Двигатель тихо урчит, в воздухе предзимняя прохлада, пахнет бензином и чем-то похожим на предчувствие.

Дорога за город выдалась спокойной. Фары вырезают ровную полосу снега, и это, как ни странно, успокаивает. Все по плану: выезд в 17:30, прибытие в 19:00, осмотр объекта, обычная проверка, просто чтобы убедиться, что все соответствует предоставленным фото.

Въезжаю на территорию. Свет фар выхватывает из темноты ворота, дом, гирлянды.

Чисто, аккуратно, но где-то внутри — странное ощущение, будто в этой картинке слишком много блесков.

Я выхожу из машины и достаю телефон, чтобы позвонить администратору. И именно в этот момент из-за поворота вылетает маленький красный автомобиль. Музыка орет так, будто внутри концерт на выезде.

Дверца распаивается, и из снежной пыли выходит она.

Волосы растрепаны, шарф алый намотан на шее, глаза горят, губы растянуты в улыбке. На секунду я думаю, что это розыгрыш.

— О, отлично, а вот и вы! Добрый вечер. Приятно, что встречаете прямо на улице. А как догадались, что я приеду именно сейчас?

Я чувствую легкое раздражение, но спокойно отвечаю:

— Наверное, интуиция.

Она почти подпрыгивает на месте:

— Впечатляет! Я — Анна Корабельникова, компания «Все под контролем».

Я фиксирую: слишком много эмоций, слишком быстро говорит, слишком уверенна.

— Артем, — отвечаю сухо.

— О, прекрасно. Тогда быстро: где душ, кофе и моя комната? Я хочу все осмотреть до приезда заказчика, чтобы завтра не было сюрпризов.

Я медленно приподнимаю бровь:

— Комната?

— Ну да! — она хохочет, будто мы старые друзья. — Если клиент у вас такой же, как говорят... Мне нужно подготовиться, а то он, не дай бог, придет раньше времени, и конец всему!

Ее слова падают одно на другое, как игрушки из перевернутой коробки. Но одно я слышу отчетливо: *«клиент такой же, как говорят»*.

— И что же о нем говорят? — спрашиваю я, и голос становится холоднее.

— Ну... — Она вспыхивает энтузиазмом снова, как гирлянда, в которой переборщили с лампочками. — Что он невероятно придирчивый, требовательный, занудный перфекционист! Честно, я таких терпеть не могу и стараюсь избегать.

Чувствую, что начинаю закипать. Даже снег как будто замирает в ожидании. Она смотрит на меня с искренней радостью и не понимает, кто перед ней.

И в этот момент я окончательно убеждаюсь: она хаос и, соответственно, мне не подходит. Пазл в голове складывается:

— Отлично — делаю шаг ближе. — Было любопытно узнать, что обо мне думают.

— О вас? — ее глаза становятся размером с блюда. — В смысле...?

— Артем Лагутин. Тот самый «занудный перфекционист». — спокойно отчеканиваю я.

— ...Ой... — выдыхает она.

— Вы уволены.

Разворачиваюсь, не тратя на нее больше ни секунды. Решение принято. Снег хрустит под ботинками ровно, приятно, почти ритмично. Контраст между этой гармонией и сумбурной женщиной у ворот настолько очевиден, что даже обсуждать нечего.

Путь к дому занимает всего несколько шагов, и я почти у двери, когда сзади раздается:

— Подождите!

Останавливаюсь, но не оборачиваюсь. Выдерживаю секунду... Еще одну... Голос звучит быстро, нервно, но... странно осмысленно:

— Пожалуйста, не увольняйте меня! Вы же не найдете никого нового сейчас, перед Новым Годом. — она запыхалась, будто пробежала марафон. — Все нормальные менеджеры уже заняты, это же горячий сезон. Завтра приедут поставщики, послезавтра — оборудование, гирлянды, декор. Кто-то должен все это встретить.

Я закрываю глаза. Она права. Черт бы ее побрал... но права. Засовываю руки в карманы куртки. Разворачиваюсь медленно, осторожно, будто боюсь, что она снова начнет тараторить.

Смотрю на нее пристально так, как смотрю на несоответствующий документ в отчете.

— Если вы «системный менеджер», — произношу я ровно, — то я балерина Большого театра. Она сглатывает, но... не сдается. И это раздражает еще сильнее.

— Я просто... — она делает глубокий вдох. — Немного выбилась из графика. Дорога, снег, пробки, телефоны, тысячи дел... Но я идеально знаю, что делать дальше. Я очень... очень системна.

Системна. От этого слова у меня дергается уголок губ, но

не от улыбки, а от сарказма.

— Да? — спрашиваю я холодно. — Что ж. Докажите это.

— И докажу! — она оживляется мгновенно. — Завтра я встречу все поставки. Я сверю каждую накладную. Я проверю оборудование по спискам. Все будет идеально. Вам не придется вмешиваться.

Она говорит убедительно, но слишком эмоционально. Я прижимаю губы в тонкую линию, наблюдая за ней. Чересчур яркая. Чересчур быстрая. Чересчур уверенная в том, что сможет удержаться на поверхности.

— Два дня, — говорю я ровно. — И только потому, что логистика уже запущена.

Она мгновенно кивает, словно я предложил ей повышение, а не временную отсрочку.

— За два дня вы увидите, что я лучшая, — торопливо выдает она. — Я все сделаю по плану.

Я поднимаю ладонь, обрывая поток слов:

— Малейшая ошибка, и вы едете домой. Без дискуссий.

Она шумно втягивает воздух, будто запоминает это как правило номер один.

— Я все поняла.

— Посмотрим, — отвечаю коротко.

Администратор подходит почти бесшумно.

— Покажите мне дом, хочу увидеть все своими глазами — обращаюсь я к администратору.

— Конечно, пройдемте.

Корабельникова еще раз бросает на меня полный ожидания взгляд, но я не реагирую.

— Через два дня вы свободны, — произношу напоследок.
— Используйте их с умом.

Разворачиваюсь и вслед за администратором. Но чувствую, что меня накрывает раздражение, что впервые за долгие месяцы в моей системе появился сбой... в красном шарфе.

Глава 3. Вера

Сию на кровати прямо в пальто, даже шарф не снимаю — двигаться страшно. Кажется, любое движение способно притянуть новую катастрофу. Смотрю в одну точку, будто пытаюсь силой мысли открутить время назад. Не выходит. Придется смириться с тем, что я не герой фантастического фильма. А жаль.

В голове крутится бесконечный сериал под названием «Как Вера облажалась за пять секунд».

«Добрый вечер!» — «А как вы догадались?» — «Занудный перфекционист!» — «Вы уволены».

От этих воспоминаний хочется не выть, а сразу лечь и не вставать до весны.

— Меня уволили, — сообщаю я комнате, чтобы зафиксировать факт официально. — Жестко и безапелляционно. Хотя... если честно, Верунь, виновата ты сама. Язык твой — враг твой.

Я вздыхаю и пытаюсь мыслить конструктивно.

Пока еще не конец света. У меня есть целых два дня на реабилитацию. Значит, пора посмотреть, какие инструкции на завтра Аня оставила мне в своем ежедневнике.

Открываю, и с первой же страницы понимаю: моя сестра ведет двойную жизнь. Днем работает менеджером, ночью загружается в матрицу.

Это не ежедневник — это шифровка. Перед глазами таблицы, графики, крошечные стрелочки, мелкие подписи. Это все выглядит как план по спасению галактики. У меня нет шансов. Мне кажется, я сейчас нечаянно активирую запуск межгалактического корабля. Я закрываю глаза и начинаю тихо смеяться, потому что альтернативой является истерика. Смех звучит так, будто я сама себя жалею, но все равно пытаюсь держаться.

— Великолечно, — вздыхаю я и захлопываю ежедневник. — Что ж, придется принять вызов. Мне предстоят два чудесных дня в матрице. Но! «Где наша не пропадала? Наша пропадала везде!». Прости меня, Анюта, если что...

Пробую воспроизвести ее фирменный деловой тон:

— «Здравствуйте, я Анна Корабельникова»...

Но у меня получается какая-то пародия, причем не слишком качественная. Я смеюсь и прикладываю ладонь к лицу. Как можно было всего за несколько часов разогнаться от философского спокойствия на любимой кухне до эпичного позора в чужом доме и в чужой роли? Вера, ты превзошла сама себя.

Нахожу чистый лист бумаги, аккуратно кладу на колени, беру ручку и пишу:

«План на завтра: попытаться не облажаться до обеда».

Смотрю на строчку. В принципе, план амбициозный... но хотя бы честный.

Кладу лист на тумбочку.

Будем считать его запросом во Вселенную. Может, сроботает.

А даже если нет, хуже уже точно не будет. Хотя... со мной возможно все.

Вздыхаю, раздеваюсь, выключаю свет и ныряю под одеяло, как под защитный купол.

Закрываю глаза, но мысли еще долго мечутся туда-сюда: диалоги с Артемом, нелепые реплики, Анин голос в голове, ежедневник, который смотрит на меня с осуждением.

Перепроживаю каждую минуту вечера. По кругу. До тех пор, пока не проваливаюсь в сон, полный хаоса, недосказанностей и каких-то странных видений про накладные, летающие по комнате.

...И именно в этот момент, когда кажется, что я наконец-то отключилась, я просыпаюсь, как будто меня кто-то выдернул из сна за шкуру.

Телефон светится прямо в глаза: **9:37.**

На секунду я просто смотрю на цифры, надеясь, что они испугаются моего взгляда и сами перепрыгнут на 7 утра. Не перепрыгивают.

— Нет... нет-нет-нет! — я закапываюсь лицом в подушку и издаю звук, похожий на предсмертный крик чайника. — Я умерла. Все. Похороните меня в разных носках.

В этот момент, как по заказу, раздается настойчивый стук в дверь.

— Анна? — голос администратора ровный, как линейка.
— Машина на разгрузку приехала.

Меня подбрасывает с кровати. Я пытаюсь молниеносно привести себя в порядок и хватаю Анин ежедневник, как магический артефакт.

На развороте: **10:00 — Поставка светового декора.**

Я смотрю на телефон. **9:45.**

— Великолечно, — бормочу я, пытаюсь одновременно натянуть джинсы, попасть руками в рукава и вспомнить свое прикрытие. — Просто идеальное утро для собственного увольнения. И вообще, почему они приехали на 15 минут раньше? Никакого порядка!

Я выскакиваю в коридор.

Администратор стоит неподвижно, даже высокомерно.

— Вам нужно принять доставку, — сообщает он, с трудом сдерживая брови, ползущие вверх.

Да что вы говорите? Капитан-очевидность прям.

Я киваю, словно у меня все под контролем, и бегу к выходу, на ходу заматывая шарф.

Выбегаю на улицу. Холод сразу врывается в лицо — резко, без предупреждения, как пощечина. Освежает, конечно... но очень такими, суровыми методами.

Паника кипит где-то в груди, пузырится и норовит выплеснуться наружу, но я старательно ее придавливаю. Сегодня мне как никогда нужна решимость. И собранность. И еще желательно — чудо.

Я покажу этому напыщенному индюку, кто такая Вера Корабельникова.

Подхожу к хозблоку. Рядом уже стоит газель с новогодним тентом, на котором яркими пятнами красуется что-то новогоднее. В голове автоматически включается: *«Праздник к нам приходит...»*

Рядом стоит хмурый рыжий бородатый мужик с таким лицом, будто он лично ненавидит Новый год. И людей. И меня заодно. Ну конечно, как же иначе.

— Хозяйка, оленей куда выгружать? — раздается рядом тоненький голос... лет семи.

Я моргаю. Смотрю на бородатого мужика...потом ищу глазами источник звука.

Если бы я не была в состоянии легкого нервного срыва, я бы, наверное, засмеялась. Такой диссонанс. Голос семилетнего ребенка из взрослого мужика. Бывает же.

Хотя... может, ему кокошки прищемили в детстве...

Ой, Вера. Стоп. Фокус.

— Оленей? — переспрашиваю я. — Каких еще оленей?

— Ну не живых же! — обижается голос. — Уличный световой декор.

Я выдыхаю с таким облегчением, будто мне только что сообщили, что апокалипсис переносится.

— Нет тут у вас никаких... оленей, — уточняю я на всякий случай.

— Ну как же нет? — он тычет пальцем в наклад-

ную. — Вот, смотрите. Позиция семь. GBYM-12574-OLEN-1400×800 — три штуки.

Я смотрю на бумагу, потом на него, потом снова на бумагу.

— А-а-а... ну да, — киваю я с умным видом. — Тут же сразу все понятно. ОЛЕНИ.

Он подозрительно щурится.

— Проверять будете? А то потом претензии не принимаются.

Проверять. Как? Что именно?

Где кнопка «спасти Веру»?

— А... как проверять? — осторожно интересуюсь я.

Рыжий оживает:

— У нас для этих целей специальная розетка есть прямо в кузове. Если немного на кофе подкинете, мы сами все проверим.

— Нет, — отрезаю я, вспоминая, как звучит уверенность.

— У нас для этого есть специально обученный человек. Мы сами все проверим.

Он пожимает плечами:

— Ну, смотрите. Я вас предупредил.

Прекрасно. Он еще и угрожает.

Так, главное, не паниковать. Аня бы сейчас разобралась за тридцать секунд...

А я что, хуже?

— Выгружайте вот в этот угол, — командую я. — Правее

уличный декор, слева комнатный.

Гирлянды отдельно. И главное... где елка?

— Какая елка? — искренне удивляется он.

— В смысле «какая»? — я чувствую, как у меня дергается глаз. — Надеюсь, зеленая. У нас Новый год, если вы забыли. Мы заказывали большую елку. Вот, — тычу пальцем в ежедневник. — Три метра высотой. На подставке. С декором. Вы что, елку забыли?!

— Да что вы меня путаете? — обижается он. — Мы электро-декор привезли. Мы елками вообще не занимаемся!

В этот момент к хозблоку подъезжает еще одна газель. Потом еще одна.

Почему все в одно время?!

Начинается хаос. Коробки. Накладные. Подписи. Я считаю, сверяю, машу руками, пытаюсь запомнить, что куда ставят, и чувствую, как мозг постепенно выходит из чата.

Слава богу, елка все-таки приехала... в четырех коробках. И двенадцать коробок декора.

И еще куча новогоднего антуража: мишура, дождик, фейерверки, бенгальские огни, свечи и какая-то прочая праздничная чепуха.

Все носятся туда-сюда. Я не успеваю следить, кто что куда несет. Хочется зажмуриться. Или лечь на пол. Или чтобы все это просто... исчезло.

Как Аня потом будет это разбирать? Столько коробок. Мрак.

Краем глаза замечаю администратора. Он стоит у хозблока и внимательно наблюдает за процессом. Но мне уже все равно. Я на последнем издыхании. Почти три часа этого ада.

Я наконец отпускаю машины и иду в дом. Нужно убрать накладные в папку. И срочно выпить кофе. Очень срочно.

— Анна... — раздается за спиной ровный голос администратора.

Я вздрагиваю и непроизвольно вся сжимаюсь в комок.

Что опять не так?..

Глава 4. Артем

Ресторан выбран правильно. Свет мягкий, музыка нейтральная, официант появляется ровно тогда, когда нужно, и исчезает без лишних вопросов. Я люблю такие места. Здесь ничего не происходит, и это успокаивает.

Элен сидит напротив. Идеальная посадка, идеальная осанка, идеальная дистанция между столовыми приборами. Она говорит спокойно, размеренно, будто зачитывает заранее согласованный план.

— Представляешь, — улыбается она уголками губ, — мы были на ретрите в Подмосковье. Полное обнуление. Никаких телефонов, никакой суеты.

— Полезно, — киваю я, отламывая крошечный кусочек хлеба. — Иногда это нужно. Сбросить шум.

— Да, — она оживляется ровно настолько, насколько уместно для среды в семь вечера. — Я наконец почувствовала баланс. Энергия течет правильно.

Баланс. Хорошее слово. Безопасное, как этот ресторан.

Элен продолжает — про подругу, которая открыла студию йоги, про планы на январь, про новый формат встреч. Я слушаю, точнее, подаю сигналы, что слушаю.

— Ты сегодня какой-то задумчивый, — замечает она и смотрит внимательно. — Все в порядке?

— Да, — отвечаю сразу. — Просто рабочий день был на-

сыщенный.

— Понимаю, — мягко улыбается она. — У тебя всегда так. Но ты умеешь держать фокус.

Я киваю. Это правда... Всегда умел.

И именно в этот момент ловлю себя на неожиданной мысли: мне скучно.

Просто ровно и пусто, как график без красных флажков и зеленых галочек. Я смотрю на Элен — она красивая, спокойная, правильная. И мне нечего добавить. Диалог идет по протоколу, и ни один пункт не вызывает желания его нарушить.

— Я отойду на минуту, — говорит она, поднимаясь с плавной грацией. — Закажешь мне еще воды?

— Конечно.

Она уходит, и пространство напротив меня вдруг становится слишком свободным. Моя рука почти сама тянется к телефону. Открываю чат с администратором, пальцы загибаются над клавиатурой. Печатаю: «Как там разгрузка?»

Смотрю на фразу... и стираю ее одним резким движением. Я не параноик. Я просто... уточняю детали. Просто хочу быть в курсе. Кладу телефон экраном вниз. Он теплый и молчаливый. Сажу ровно. Жду. И думаю совсем не о ресторане, а о хаотичной вспышке красного шарфа на фоне снега.

После обеда я отвожу Элен домой. Все проходит спокойно, как по сценарию. Мы едем под приглушенную джазовую композицию. Она рассказывает что-то про утреннюю йогу и

мягко напоминает о нашей следующей встрече в пятницу. Я слушаю, отвечаю, останавливаюсь у ее дома ровно под знаком, где это разрешено.

— Спасибо за обед, — говорит она, наклоняясь ко мне.
— Было приятно.

— Взаимно, — отвечаю я. Наши слова висят в воздухе, как идеально подобранный декоративный элемент.

Она целует меня в щеку легко, сухо, без лишнего давления. Идеально выверенный жест доверия и дистанции.

Я жду, пока она зайдет в подъезд, и только тогда включаю передачу. Ни сожаления, ни желания задержаться, чтобы посмотреть, как загорится свет в ее окне. Все по плану. Через два часа я уже буду на набережной, в нашей любимой бане. Там будет шумно. И это хорошо. Шум, пар и смех друзей иногда помогают заглушить лишние, назойливые мысли, которые крутятся, как снежинки в свете фонаря.

Пар клубится густыми волнами, пахнет дубовым веником и медом. Мы сидим в предбаннике. Полотенца на бедрах, пиво на столе, запотевшие стаканы. Сева, как всегда, говорит с набитым ртом, размахивая куском хлеба. Марк развалился на лавке, как кот, а Даниил только что вышел из парилки, покрасневший и довольный, с каплями воды на плечах.

— Ну что, организатор, — тянет Марк, лениво щурясь на меня, — готов принимать нас всех под Новый год? Не подведи, я всем уже разослал координаты.

— Готов, — киваю я, делая глоток холодной воды. — Я всегда готов. Хотя в прошлый раз вы меня просто *назначили*, даже без жребия, между прочим. Диктатура большинства.

— Вот именно, — фыркает Сева. — Мы решили добавить в твою жизнь немного креатива.

— А менеджер? — прищуривается Даниил, вытирая лицо полотенцем. — Та самая, «лучшая в городе»? Ты ее уже проверил в деле?

— Я с ней пообщался, — отвечаю сухо, отставляя стакан. — И у меня есть вопросы.

— Конечно есть, — хмыкает Марк. — У тебя ко всем есть вопросы. Даже к официанту, который слишком громко ставит тарелку.

— Это профессиональная деформация, — пожимаю плечами, стараясь звучать легче, чем чувствую.

Сева тянется за пивом, его лицо расплывается в ухмылке:

— Ну давай, колись. Что не так? Только не говори, что она опоздала на три минуты. Я заплачу за нее штраф.

— Она... — я замолкаю на секунду, ища точное слово в облаке пара. — Она странная.

— О-о-о, — оживляется Сева. — Началось.

— Странная — это плохо, — Марк наклоняется вперед, — или «я о ней думаю в бане»?

— Она не по профилю, — раздражаюсь я, чувствуя, как напрягаются плечи. — Слишком... свободная. Говорит быстро, мыслит, кажется, скачками. Такое чувство, что хаос

для нее не враг, а рабочий инструмент.

— Артем, — Даниил качает головой, и в его голосе звучит смесь смеха и легкого упрека. — Ты сам хотел «живого» праздника, а не отчетного концерта. Может, ее «странность» — это как раз то, что нужно, чтобы раскачать твое ледяное королевство?

— Это важный многотысячный проект, — отрезаю я, и мой голос звучит резче, чем планировалось. — Новый год. Из разных городов съезжаются мои друзья, партнеры, между прочим, серьезные люди. Не время для художественных экспериментов с хаосом в главной роли.

— Ты же сам говорил, — смеется Марк, — что хочешь, чтобы Новый год был «живым».

— Живым — не значит хаотичным.

Парни ржут. А я чувствую, как невидимая пружина внутри закручивается туже. Беру телефон, почти машинально, чтобы сделать хоть что-то, кроме как слушать их подколы. Пишу: «Отправьте фото поставок». Стираю. Пишу снова, более развернуто. Снова стираю.

— О, боже, — смеется Даниил, указывая на меня пальцем. — Он сейчас переписывается с ней! В бане! Я поражен.

— Нет, я пишу администратору, — бурчу я, отводя взгляд. — Сегодня были первые поставки. Просто нужно знать, что все на месте и по списку. Базовая отчетность.

— После парилки, — ржет Марк. — Это уровень ответственности «Бог». Расслабься, царь, империя не рухнет за

час.

— Нанять лучшего менеджера в городе и контролировать каждый ее шаг удаленно, — добавляет Сева с напускной скорбью. — Это, друзья мои, новый уровень тревожности. Ну-ка, ребята, я вижу только одно лекарство — давайте выкинем его в «прорубь», пусть охладит пыл и мозги.

— Даже не думайте, — строго отрезаю я, но улыбка уже пробивается сквозь раздражение. — Мне сейчас не смешно.

Но когда это их останавливало? Мы дружим тыщу лет, и мои протесты для них — лишь сигнал к атаке. Смех становится только громче, и уже через десять секунд, под дружный рев, я кубарем вываливаюсь в малый бассейн с ледяной водой. Шок от холода на секунду выбивает все мысли.

— Я вам это запомню! — кричу я, выныривая и отплеываясь, но уже не могу сдержать смех.

— Вот, уже лучше! — довольным тоном констатирует Сева.

Позже, уже в парилке, я сажусь на верхнюю полку и откидываюсь назад, закрыв глаза. Пар густой и тяжелый, тело наливается приятной тяжестью и теплом, но внутри, прямо под грудной клеткой, будто что-то тянет в одну точку, не давая полностью отпустить контроль. Это раздражение. На нее. На ее непохожесть на все мои схемы. На то, что я даже думаю об этом в бане.

Захожу домой далеко за полночь. Квартира темная, тихая,

стерильная. Только холодный свет неспящего города пробивается сквозь панорамное стекло, рисуя геометрические тени на полу. Я бросаю ключи в серебряную чашу на консоли, снимаю куртку и вешаю ее строго на свое место. И сразу понимаю, что тишина не помогает. Она лишь подчеркивает этот внутренний фон, это тихое жужжание нерешенного вопроса.

Телефон снова в руке. Открываю диалог с администратором. Пишу: «Пришлите фото поставок». Стираю. Провожу ладонью по лицу, чувствуя раздражение и непонятное беспокойство в голове.

«Ты просто бесишься, — строго говорю я себе вслух, и мой голос гулко звучит в пустоте. — Потому что не любишь сюрпризы. Потому что не можешь вписать ее в свою таблицу. И точка».

Но пальцы снова летят по буквам. Пишу и стираю. В голове всплывает картинка: быстрая речь, взгляд не по инструкции, ощущение, что под тонким слоем профессиональности бурлит целый вулкан непредсказуемости. И почему-то именно эта мысль злит сильнее всего. Потому что это угроза плану. Потому что это... интересно.

— Хватит.

Я печатаю твердо и быстро, не давая себе шанса на сомнения:

«Завтра утром буду на объекте. Предупредите Корабельникову».

Отправляю сообщение раньше, чем успевает включиться внутренний цензор. Звонкий щелчок отправки звучит в тишине слишком громко.

Это правильно. Рационально. Нужно лично убедиться, что все идет по графику, и скорректировать курс, если это необходимо.

Глава 5. Вера

— Анна, — окликает меня администратор, сметая с куртки снег.

— Да?

Я оборачиваюсь. Он стоит на крыльце хозблока и смотрит внутрь, где еще полчаса назад царил хаос из картонных коробок и упаковочной пленки.

— Часто после разгрузки тут хочется плакать, — говорит он без предисловий. — А сегодня... даже удивительно.

— В хорошем смысле? — осторожно уточняю я, и сердце замирает на секунду.

Он кивает, и его обычно невозмутимое лицо смягчается.

— В хорошем. Вы быстро сориентировались. Все по полочкам.

Теплая волна облегчения разливается по груди.

— Это моя работа, — улыбаюсь я, автоматически «включая» уверенную Анну. — Обычная разгрузка, ничего нового. Главное, четкий список и пара рабочих рук.

— Ваша работа, — соглашается он и, разворачиваясь, бросает уже на ходу: — Продолжайте в том же духе.

Он уходит, а я ловлю себя на том, что улыбаюсь шире, чем планировала.

Ну что ж. Запишем это в список моих маленьких побед. Просто факт: я не облажалась.

Захожу в гостиную и раскладываю накладные на столе с почти показательной, театральной аккуратностью.

Выравниваю края. Сверяю каждую позицию со списком заказа в Анином ежедневнике. Проверяю даты, ставлю галочки.

— Красота, — удовлетворенно бормочу себе под нос.

Листы ложатся ровной стопкой. Я пересматриваю их еще раз, на всякий случай, и улыбка возвращается — все сходится. Цифры подчиняются, мир встает на свои места.

— Все, Вера. Теперь кофе. Ты это заслужила.

Отдвигаю бумаги в сторону, оставляя их на столе как доказательство моей компетентности, и иду на кухню с легким, почти воздушным ощущением. Сегодня мир можно оставить без присмотра хотя бы на пять минут. Он не развалится.

Вернувшись с большой кружкой ароматного кофе, я первым делом аккуратно складываю накладные в папку, а папку в ящик стола. Закрываю его с тихим, удовлетворенным щелчком, будто ставя жирную точку.

Так, бумаги под контролем. Можно выдохнуть.

Дальше день превращается в стремительный, шумный водоворот из «да», «нет», «потом» и «сейчас».

— Да, сюда гирлянды, пожалуйста!

— Нет, елка не криво стоит, она дизайнерская, так и задумано!

— Да, красиво. Нет, еще не все, подождите с включением!

Рабочие устанавливают елку в холле, и она оказывается

выше, чем я ожидала. Приходится отступить на пару шагов и задрать голову. Большая, пушистая, настоящая лесная королева, и очень похожа на живую.

На улице тем временем монтируют световое оборудование. Я накидываю пальто, выхожу во двор и замираю на секунду, забыв о холоде. Фасад дома постепенно оживает: загораются теплые золотистые линии, мягкие огоньки, как жемчужины, очерчивают дорожки, подсвечивают припорошенные снегом ели.

Вот ставят тех самых злополучных оленей.

— Только не ставьте в ряд! — кричу я, подбадривая и себя, и рабочих. — Пусть они, как будто гуляют по территории. Кто-то в ответ смеется.

Коробки распаковываются одна за другой, и из них буквально вываливается, высыпается сам дух Нового года — мишура всех цветов радуги, хрупкие шары, мешки с искусственным снегом, блестки, ленты. Все блестит, переливается, норовит укатиться или улететь не туда, куда я только что положила.

Я бегаю между комнатами, как заводная, отвечаю на звонки поставщиков, принимаю мелкие решения, которые почему-то в этот момент кажутся жизненно важными. «Красный шар или синий? Лента широкая или узкая?»

Иногда я замечаю странности. Шар, который я точно оставила на столе, через полчаса оказывается на полу в холле. Сверток с мишурой, который я аккуратно свернула и оста-

вила у камина, вдруг лежит в другом углу, размотанный.

— Ладно, — бормочу я себе под нос, сгоняя со лба выбившуюся прядь. — Суматоха. Все носятся, все хватают.

Списываю все на общую беготню.

К вечеру я чувствую приятную усталость. Ноги гудят, голос садится, сбиваясь на хрипотцу.

Но где-то внутри тихо и упрямо стучит мысль: я не сломалась. Я справляюсь. Даже если это справляюсь «на нервах и кофе».

Отмечаю это мысленно, как очередной пункт в невидимом списке, и иду дальше.

Поздно вечером я наконец добираюсь до своей временной комнаты. Сажусь на край кровати, подтягиваю к себе ноги и достаю телефон, чувствуя, как каждый мускул ноет от напряжения. Пишу Ане.

Я: «Если я сегодня не усну лицом в подушку, считай, день прошел зря».

Ответ приходит почти сразу, будто Аня ждала.

Аня: «Мой герой. Продержись еще один день. Завтра вечером я уже выезжаю к тебе на смену».

Я закатываю глаза к потолку, но губы сами растягиваются в улыбке.

Я: «Если выживу, требую медаль. Или хотя бы горячий чай, который мне не придется готовить самой».

Аня: «Будет тебе и чай, и медаль обязательно с твоими любимыми блестками».

Я откладываю телефон, встаю и еще раз, уже в тишине, прохожу по дому. Свет мягкий, теплый, уютный. Елка стоит гордо в центре гостиной, двор за панорамным окном сияет волшебным синим и золотым, олени светятся в темноте, будто знают, что сегодня молодцы.

Дом постепенно, на моих глазах, превращается в сказку. Ту самую, из детства.

И, черт возьми, мне это дико нравится. В этом хаосе есть своя магия.

Я выключаю свет, ныряю под прохладное одеяло и позволяю телу наконец расслабиться, растворяясь в тишине.

«Всего один день, — думаю я, уже на грани сна. — Ты справилась».

— Сегодня приедет заказчик, — сообщает администратор утром, встретив меня на пути к кухне. — Хотел предупредить.

— Отлично, — бодро отвечаю я, в то время как внутри все сжимается в холодный комок.

Совсем не отлично .

Я сразу сворачиваю в гостиную. Папка на месте. Вчерашние накладные лежат там же, где я их оставила.

«Спокойно, Вера. Ты — Анна и у тебя все под контролем...».

На кухне быстро готовлю себе завтрак: единственную сосиску, оставшуюся с вечера, и хрустящий багет. Кладу это

скромное пиршество на тарелку на стол. Отворачиваюсь к столешнице, чтобы порезать лимон в чай, и через несколько секунд...

— Доброе утро.

Я подпрыгиваю на месте, чуть не выронив нож. Сердце бешено колотится где-то в горле.

— Вы меня напугали! — вырывается у меня возмущенно, прежде чем я успеваю надеть маску профессионализма. — Вы всегда так появляетесь без предупреждения?

— Я просил администратора предупредить вас о моем визите, — спокойно, как будто констатируя погоду, отвечает Артем. Он стоит в дверях кухни, в том самом идеальном пальто и скользит по мне быстрым, оценивающим взглядом.

— Да, но без указания точного времени, — бурчу я, отводя глаза. Краем глаза замечаю, что что-то не так.

Смотрю на стол. Багет в тарелке, сосиски нет. Тарелка пуста, если не считать одинокого куса хлеба.

— Серьезно?.. — слово вырывается само, но я тут же прикусываю язык, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

— Что-то не так? — его голос звучит заинтересованно, слишком спокойно.

— Нет, — слишком быстро, почти срываюсь я. — Все прекрасно. Просто... показалось.

Я моргаю, смотрю еще раз на пустую тарелку. Не ожидала от такого, казалось бы, выверенного человека... такой выходки. Что, сосисок в жизни не видел? Станный. Очень

странный. И почему-то от этой мысли становится как-то неловко.

— Пройдемте в гостиную, — говорю я, выдавливая ровный, деловой тон. — Я готова показать результаты и обсудить план на сегодня.

В гостиной я включаю режим «идеальный, непоколебимый менеджер» на полную мощность. Говорю четко, уверенно, почти вдохновенно, водя рукой по воздуху, как дирижер. Показываю расстановку, рассказываю о поставках. Он медленно обходит комнату, кивает, иногда задает точный, острый вопрос. Его присутствие физически ощутимо, будто в комнате повысилось атмосферное давление. Мои колени глупо, необъяснимо дрожат, и я злюсь на себя за эту слабость. Я не кролик. И он не удав. Хотя... сравнение застревает в голове, и от него по спине бегут мурашки...

— В целом, организовано хорошо, — наконец заключает он, останавливаясь посреди комнаты. — Но вечером стоило бы навести порядок. Мишура и блески повсюду на полу. И в коридоре я тоже заметил следы праздничного беспорядка.

Я моргаю, глотаю возражение. Я ведь убирала. Точнее, пыталась. Или все разлетелось снова?

— Учту, — произношу я вместо того, чтобы оправдываться. — Сегодня уделим внимание финальной уборке.

— Накладные, — коротко просит он, протягивая руку.

Я подаю ему папку, стараясь, чтобы пальцы не дрожали. Он листает страницы, его взгляд бежит по цифрам. Я стою

рядом, пытаюсь дышать ровно, и вдруг ловлю себя на абсурдной мысли: я выдерживаю. Я не рассыпалась. Даже под этим ледяным, всевидящим взглядом.

Именно в этот момент его пальцы замирают. Он медленно поднимает глаза на меня.

— А где последняя страница? Третья накладная по световому оборудованию без последней страницы.

— Какая?.. — я чувствую, как внутри все проваливается в ледяную пустоту. — Сейчас... она должна быть здесь.

Я начинаю лихорадочно искать. Перебираю листы в папке. Рыщу в ящике стола. Сканирую взглядом поверхность. Сердце стучит в висках глухими, тяжелыми ударами.

— Она здесь... — бормочу я, больше себе, чем ему. — Я точно помню, что положила ее в папку...

Артем не говорит ни слова. Молча идет к кофемашине, одним точным движением готовит себе эспрессо. Спокойствие, с которым он это делает, пугает больше любой вспышки гнева. Потом, не спеша, поворачивает голову в сторону старинного комода у стены. Подходит, наклоняется и поднимает с пола, из-под резной ножки, скомканный лист бумаги. Медленно, с театральной четкостью, разворачивает его.

— А вот и страница, — произносит он без эмоций, держа лист перед собой. Затем его взгляд медленно, неотвратимо переходит на меня. Он смотрит холодным и внимательным взглядом, как у человека, который решает задачу. И этот взгляд обжигает больше крика.

— Она... упала, — шепчу я.

— Предварительно скомкавшись? — уточняет он ледяным, тихим голосом, в котором я слышу приговор всей моей тщательно выстроенной иллюзии контроля.

Тишина.

Глава 6. Артем

Анна стоит у комода, упрямо держит спину ровно, и от этого ровного упрямства мне хочется сказать что-нибудь резкое, чтобы она перестала изображать из себя человека, которому все равно, потому что мне отчаянно не нравится, когда люди делают вид, что хаос — это форма характера, а не недостаток дисциплины

— Она... она просто... — начинает она, и голос у нее сначала уверенный, потом сбивается, как будто она сама слышит, что звучит это плохо, — я убирала, я точно помню, и папку закрывала, я...

Я молчу, потому что любая моя реплика сейчас будет либо обвинением, либо снисхождением, а ни то, ни другое мне не нравится, и потому, что в голове у меня уже выстроена простая схема, по которой есть факт, есть документ, есть ответственность, и по этой схеме не полагается место словам «просто» и «точно помню».

— Анна, — говорю я наконец, стараясь, чтобы голос не стал слишком ровным, — это звучит нелепо.

Она вздрагивает, будто я сказал не фразу, а поставил печать.

— Нелепо, — повторяет она, и в этом повторе есть что-то упрямое, почти обидное, — а как должно звучать правдоподобно, по-вашему, Артем Лагутин, чтобы вы одобрили.

— Правдоподобно звучит то, что можно проверить, — отвечаю я, и в этот момент замечаю, что она кусает внутреннюю сторону щеки, как делают люди, которые изо всех сил держатся, чтобы не начать оправдываться слишком горячо, потому что горячо оправдывается только виноватый, и она это, похоже, тоже знает.

— Я не понимаю, зачем мне это делать, — говорит она, уже тише, — если бы я хотела саботировать, я бы... я бы хоть выбрала что-то эффектнее, чем бумажка.

— Эффектнее, — повторяю я, и сам слышу, как это слово цепляется за мое раздражение, превращая его в сухую насмешку, — вы считаете, что вы сейчас в положении выбирать эффективность.

Она смотрит на меня, как смотрят на человека, который слишком уверен, что все объясняется логикой.

— Хорошо, — говорит она после паузы, и эта пауза не театральная, а такая, когда человек внутри ищет последнюю опору, — хорошо, хотите факт, который можно проверить, хотите что-то, что не про накладные, а про... про утро.

Я поднимаю бровь, и это движение выходит само собой, потому что утро не имеет отношения ни к документам, ни к нашему разговору.

— Утром, — говорит она, и в голосе появляется неожиданная злость, не на меня даже, а на ситуацию, которая ее выставляет душой, — утром на кухне у меня в тарелке была сосиска, я отвернулась налить чай, а потом сосиски не стало,

зато появились вы...

Я моргаю, потому что мозг не сразу находит ячейку, куда положить эту информацию, и в этот момент мне вдруг отчетливо становится понятно, насколько абсурдна наша ситуация, хотя абсурдность не смешит, а раздражает.

— Вы сейчас серьезно, — спрашиваю я, и сам слышу, что это звучит, будто я проверяю ее на вменяемость.

Она поднимает подбородок, словно я ее уже достал.

— Анна, не сводите меня с ума! — раздражение начинает брать верх над самообладанием.

— Артем, если бы я хотела вас свести с ума, я бы делала это куда элегантнее, — произносит она с тем самым спокойствием, от которого у меня иногда сводит челюсть.

— Вы троллите меня? Это месть за смету? — вырывается у меня, и я понимаю, что это прозвучало слишком живо, слишком по-человечески, и от этого мне становится неловко.

Она пожимает плечами, будто мы обсуждаем не пропавшие документы, а странный вкус чая в этом доме.

— А может, это вселенная намекает, что не все в мире подчиняется вашим диаграммам?

Я смотрю на нее, и в голове на секунду возникает нелепая картинка, в которой я, взрослый мужчина, всерьез обсуждаю с менеджером по организации праздника исчезающие сосиски и самоскомкавшиеся накладные, и мне хочется сказать, что это цирк, что это детский сад, что я не подписывался на

мистику, но вместо этого я вдруг понимаю, что я бы сейчас очень хотел получить рациональное объяснение, и не могу.

— Ладно, — говорю я, сдерживая раздражение, которое подступает волной, потому что мне неприятно, когда я не понимаю, что происходит, — допустим, утром у вас пропала сосиска, и вы решили, что это я.

— А что я должна была «решить»? — тут же перебивает она.

Я уже собираюсь сказать, что мы вернемся к сосискам позже, потому что сейчас важнее, чтобы работа шла, когда с улицы доносится короткий треск, и кто-то из рабочих, стоящих у входа, ругается, а следом появляется администратор, и на лице у него впервые за все время видна не нейтральная деловитость, а растерянность.

— Извините, — говорит он, и обращается больше ко мне, чем к ней, — уличную подсветку сейчас не закрепить нормально, ветер усиливается, крепеж на деревьях гуляет, если сделать как в схеме, его просто вырвет.

Я поворачиваюсь к Анне, ожидая, что она начнет паниковать или оправдываться, но она, наоборот, оживает, будто это наконец ее территория, где не нужно объяснять сосиску.

Она накидывает свой красный шарф и выбегает на улицу. Мы с администратором выходим за ней.

— Так, — говорит она быстро, и в этой быстроте нет суеты, есть только привычка принимать решения, — по схеме не надо, по схеме у нас «красиво на бумаге», давайте так, вы

переносите точку крепления ниже, не на ветку, а на ствол, и выносите питание через защитный короб, а гирлянду мы разворачиваем не по кругу, а по диагонали, тогда ветер не будет работать как парус.

Администратор моргает, рабочий, который только что ругался, кивает, и я вижу, как они начинают делать именно так, как она сказала, без лишних вопросов, потому что уверенность — это такая вещь, которую слышат сразу.

— Это будет смотреться иначе, — говорю я, не потому что мне важно «иначе», а потому что мне важно зафиксировать, что мы отклоняемся от утвержденного плана.

— Иначе, — спокойно отвечает она, — но лучше, и, главное, не улетит в соседний лес.

Мне хочется возразить из принципа, но принцип сейчас выглядит глупо, потому что ветер действительно усиливается, и если улетит хотя бы часть декора, виноватым окажусь я, и я понимаю, что она, со всей своей «вселенная намекает», в работе думает быстрее и точнее, чем я ожидал.

— Делайте так, — говорю я сухо, и слышу, как это звучит почти как одобрение, от чего мне становится еще более неловко.

Анна на секунду смотрит на меня, будто хочет улыбнуться, но она не позволяет себе.

Мы возвращаемся в дом, и я ловлю себя на мысли, что она двигается по комнатам уверенно, не как человек, который оправдывается, а как человек, который действительно

ведет процесс. Это раздражает почти так же сильно, как и привлекает, потому что я предпочитаю предсказуемость, а она почему-то оказывается эффективной именно там, где я ждал провала.

В коридоре снова появляется администратор, и в его голосе слышится тревога.

— На вечер обещают буран, — говорит он. — Если разойдется, дорогу может замести.

Я киваю. Буран, конечно, не по плану, но уезжать, не проверив все, что запланировано, я не привык. Машина у меня хорошая, времени достаточно, к тому же вечером я собирался к Элен, и этот пункт в расписании пока никто не отменял.

Анна смотрит на меня так, будто ждет продолжения, будто наш разговор еще не закончен, и, по правде говоря, он действительно не закончен.

— Мы к этому еще вернемся, — говорю я сухо. — Сейчас мне нужно проверить территорию.

Я поворачиваюсь к администратору и иду с ним дальше, чувствуя на спине ее взгляд и с удивлением отмечая, что отложенный разговор тревожит меня почему-то сильнее, чем этот самый буран.

Глава 7. Вера

Когда за Артемом закрывается дверь, дом словно делает шаг назад и мягко оседает, и в этой внезапной тишине мне вдруг становится неловко даже за собственное дыхание, потому что еще минуту назад здесь звучали вопросы, шуршали бумаги и висело это плотное, неприятное ощущение проверки, а теперь остаюсь только я и пространство, которое будто смотрит на меня с немym ожиданием.

Я иду по коридору медленно, почти нарочно не ускоряясь, и в голове всплывают не его слова, а то, как он смотрел, как делал паузы, словно каждый раз решал, стоит ли тратить на меня еще одну реплику или проще закрыть вопрос.

Мысль о том, что проще всего сейчас уйти, приходит сама собой, без драматизма, как рабочее решение, и я почти физически чувствую, как внутри выстраивается короткий, четкий план бегства, без эмоций и без объяснений.

В комнате я прислоняюсь к подоконнику и открываю переписку с Аней, набирая текст аккуратно, почти официально: «Я завтра уеду утром, думаю, так будет правильно», потом добавляю вторую строку про то, что, возможно, я не тот человек, который нужен этому проекту, перечитываю и понимаю, что все это звучит не честно, а удобно, и потому стираю.

Пробую снова, уже мягче, уже с намеком на усталость, и

снова удаляю, потому что не хочу, чтобы это выглядело как жалоба, я ведь действительно справлялась, просто кто-то решил, что этого недостаточно.

Телефон в руке становится тяжелым, и я ловлю себя на том, что держу его, как чемодан перед дверью, не решаясь ни поставить обратно, ни выйти.

Чтобы переключиться, я машинально открываю ленту, пролистываю чужие лица, чужие успехи, и вдруг натываюсь на пост мамы, где она пишет что-то простое и теплое про нас с Аней, без громких слов, без надрыва, и в этом тексте нет ни тени сомнения в том, что мы лучшие.

Это не вызывает слез, не переворачивает мир, но словно ставит его на место, напоминая, что я не обязана принимать резкие решения только потому, что кто-то смотрит на меня с подозрением.

Я закрываю телефон, откладываю его на тумбочку и впервые за этот вечер позволяю себе просто выдохнуть, не делая ни шага вперед, ни шага назад.

На кухне тепло и спокойно, все устроено так, чтобы делать, а не решать, и это неожиданно оказывается именно тем, что мне сейчас нужно. Телефон остается лежать на столе, и я не убираю его, не прячу, просто перестаю смотреть в его сторону, словно мы с ним молча договорились, что сегодня не будем друг друга провоцировать на поспешные шаги.

Мысль о том, чтобы не писать Ане и не уезжать завтра, оформляется не сразу, она приходит вместе с движениями,

которые становятся спокойнее и увереннее, словно тело само подсказывает, что спешка сейчас лишняя.

Я беру гранат, разламываю его, сок стекает по пальцам, оставляя липкое ощущение, которое почему-то не раздражает, а наоборот, вызывает улыбку, и когда лед падает в стакан, этот звук кажется почти праздничным.

«Сегодня я ничего не буду доказывать», — мелькает в голове, и эта мысль не требует подтверждений.

Музыку я включаю уже в гостиной, сначала тихо, как фон для мыслей, но мысли постепенно растворяются, и я прибавляю громкость, позволяя звукам заполнить пространство.

Тело начинает двигаться само, сначала осторожно, будто проверяя, безопасно ли, а потом свободнее, и я ловлю себя на том, что улыбаюсь, потому что дом с его огоньками, тенями и елкой вдруг перестает быть рабочей площадкой и становится местом, где можно просто быть.

Я не думаю о том, как это выглядит со стороны, потому что со стороны сейчас никого нет, и это редкое, почти забытое ощущение освобождения, когда движения не требуют объяснений.

Проходя вдоль стены, я замечаю коробку с костюмами, останавливаюсь, словно споткнувшись взглядом, и понимаю, что вечер, кажется, только начинается.

Костюм Снегурочки оказывается сверху, будто нарочно, словно коробка тоже решила поучаствовать в моей судьбе и аккуратно подтолкнуть в сторону окончательного абсурда.

Я сначала просто смотрю на него, потом на коробку, потом снова на костюм, и только после этого смеюсь, коротко и искренне, потому что в этом есть что-то до смешного неуместное и при этом пугающе логичное.

— Конечно, — говорю я сама себе, вытаскивая его наружу. — Именно этого сейчас и не хватало.

Я примеряю костюм, возьмась с пуговицами и ленточками, подхожу к стеклу и замираю, рассматривая отражение, в котором огоньки елки превращают все вокруг в мерцающее облако, а я сама выгляжу странно, слегка не по возрасту, слегка не по статусу, но при этом неожиданно живо.

— Ну здравствуй, — говорю я отражению с той интонацией, с какой обычно знакомятся с людьми, о которых пока ничего не понятно. — Будем надеяться, ты не окончательно меня дискредитируешь.

Музыка тянет за собой, и я начинаю петь, не заботясь о том, попадаю ли в ноты, изображаю па, кружусь, как будто в зале действительно есть публика, и дом отвечает мне тенями, бликами и ощущением пространства, которое, кажется, впервые за эти дни перестает быть просто арендованным объектом.

Я делаю селфи, проверяю, как это выглядит, морщу нос, улыбаюсь и оставляю фото в телефоне не потому, что стесняюсь, а потому что это мой маленький секрет, момент, который совершенно точно не предназначен для рабочих чатов и отчетов.

Когда я останавливаюсь, дыхание сбивается, в голове становится тихо, и я оглядываюсь вокруг, замечая, как елка, огоньки и комнаты складываются в цельную картину, похожую на сказку, собранную не по инструкции, а по наитию.

Как бы все ни закончилось, это было не зря.

Глава 8. Артем

Мы выходим на задний двор, туда, где по плану должны быть фейерверк, горка и эти бесконечные тюбинги, на которых взрослые люди почему-то превращаются в подростков, готовых визжать и падать в сугробы ради пяти секунд детской радости, хотя на следующий день у них, разумеется, будет все болеть.

Пространство кажется шире, чем на плане, который я смотрел в офисе.

— Павел, да? — спрашиваю я, когда мы идем вдоль забора к площадке, где уже намечены контуры будущей горки.

— Павел, — подтверждает он.

Павел идет уверенным шагом, руки в карманах, без суеты, с видом человека, который привык к чужим ожиданиям и давно понял, что все предусмотреть все равно не получится.

Он рассказывает о том, как обычно здесь все проходит, когда собирается много людей, но я слушаю рассеянно, отмечая детали, которые не были указаны в смете. Снег под ногами хрустит громче, чем должен, и это почему-то раздражает.

— Здесь фейерверк, — говорит Павел, — а там тюбинги. Главное, чтобы никто не перепутал.

— Главное, — соглашаюсь я и, помолчав, добавляю, — как вчера все прошло?

Он сразу понимает, о чем речь.

— Вы про разгрузку?

— Про нее, — киваю я.

Он замедляет шаг, смотрит на меня внимательно, будто решает, насколько можно быть откровенным.

— Не идеально, — говорит он честно и тут же добавляет, — но без катастроф. Вы же знаете, когда все приезжает одновременно и люди новые, обычно либо истерика, либо потери по спискам.

— Потерь не было?

— По документам все сошлось, — отвечает он аккуратно, — а Анна... Анна держала процесс крепко.

Я задерживаю взгляд на его лице, потому что меня интересуют не общие слова, а оттенки.

— Она вам как, в целом, — произношу я, — по работе.

Павел усмехается, но без фамильярности, скорее так, как усмеваются люди, которым смешно наблюдать чужие переживания.

— Она... живая, — говорит он после паузы. — Шумная, быстрая. Иногда я даже не успевал понять, что вопрос уже решен. Но хуже всего, когда человек стоит и боится. Она не боится. Берет и делает, и люди за ней идут.

Мне хочется возразить, сказать что-то про регламенты и контроль, но слова застревают, потому что его спокойная уверенность сбивает привычный ритм.

Мы останавливаемся, и я смотрю на небо, где снег уже

начинает идти гуще.

— Я поеду, — говорю я, больше себе.

Павел смотрит на небо, потом на меня.

— Я бы не советовал, — говорит он спокойно. — Буран близко, дорогу быстро заметает, тут низина.

Я машинально проверяю телефон, будто он может отменить погоду. Внутри возникает привычная, упрямая мысль о том, что у меня есть планы, есть Элен, есть график, и я не привык, чтобы график зависел от снега.

— Поеду сейчас, — отвечаю я, застегивая куртку. — Машина хорошая, времени хватит, успею проскочить.

Павел смотрит на меня без комментариев, как смотрят на человека, решившего поспорить с природой, и мы на этом расходимся.

В машине я бросаю взгляд на сообщение Элен, короткое и выверенное: «Ужин в восемь». Эта привычная определенность немного успокаивает, хотя в голове тут же всплывает Анна с ее красным шарфом и фразой про вселенную, которая не подчиняется диаграммам, и меня это раздражает.

Первые пару сотен метров дорога терпимая, снег усиливается, но дворники справляются, и я думаю, что Павел просто перестраховался. Но очень быстро становится ясно, что дело не в перестраховке. Ветер гонит снег так, что линия горизонта стирается, и в какой-то момент я понимаю, что еду не по дороге, а по белой полосе, которую угадываю по ощущению под колесами, и это ощущение мне не нравится, потому что

оно про случайность, а случайности я не люблю.

Я все равно пытаюсь ехать, пока машина не начинает буксовать и окончательно не садится в снег, словно решив, что на сегодня хватит.

— Ну конечно, — говорю я вслух.

Я выхожу, пытаюсь откопать колеса, снег липкий, тяжелый, куртка быстро намокает, пальцы немеют, и через несколько минут становится ясно, что это борьба не со снегом, а с тем фактом, что вся дорога такая, и даже если я сейчас вытащу машину, я встану через сто метров.

Я возвращаюсь в салон, хлопаю дверью сильнее, чем нужно, и несколько секунд просто сижу, глядя на белую стену за лобовым стеклом, чувствуя, как внутри поднимается злость, очень чистая, почти детская, потому что в ней нет логики, есть только бессилие, которое мне не свойственно и потому бесит еще сильнее.

Я звоню в техпомощь, слушаю вежливый голос, который обещает «принять заявку», затем еще более вежливый голос сообщает, что «в связи с погодными условиями ближайший экипаж сможет подъехать не ранее утра», и я на секунду ловлю себя на желании спросить, а нельзя ли «ранее утра» по знакомству, по графику, по распоряжению, но отвечаю сухое «понял» и сбрасываю, потому что распоряжения здесь не работают.

Тогда я пишу Элен коротко и сухо:

«Дорогу занесло, застрял, приеду, скорее всего, утром».

Экран молчит, и в этом молчании снова возникает Анна, ее странная энергия, ощущение, что с ее появлением у меня началась какая-то несанкционированная жизнь, как параллельная вселенная.

Я выхожу из машины, закрываю ее, иду обратно пешком, потому что другого варианта нет, и каждый шаг дается тяжело, потому что снег набивается в ботинки, ветер тянет за капюшон, будто пытается стащить, и когда я наконец вижу огни дома, я испытываю почти физическое облегчение, хотя признавать это неприятно, потому что облегчение означает, что я принял поражение.

Я вваливаюсь внутрь мокрый, злой, с замерзшими пальцами, и первое, чего мне хочется, это горячий чай. Прохожу на кухню, включаю чайник, нахожу кружку, и в тот момент, когда вода начинает шуметь, свет внезапно мигает, и гаснет, оставляя меня в тишине и полумраке, и у меня внутри, на самой границе терпения, возникает очень ясная, очень неприятная мысль, что этот день, похоже, решил доконать меня.

И тут, сквозь тишину и вой ветра за окнами, я слышу тихое пение.

Я иду на звук почти автоматически и замираю в дверях гостиной, не потому что собирался останавливаться, а потому что внутри вдруг что-то мягко щелкает и просит паузу.

Анна танцует в костюме Снегурочки, подсвечивая себе путь фонариком на телефоне, который выхватывает из полумрака то ее руки, то край юбки, то россыпь огоньков на

елке. Она кружится, сбивается, смеется, поет вполголоса, не особенно заботясь о том, слышит ли ее кто-то и насколько это вообще уместно.

В этом нет ни расчета, ни логики, только чистая, спонтанная радость. И я замечаю, как отступает холод, а взгляд словно прикован к ней и отказывается отвести. Я стою, боясь спугнуть эту хрупкую сцену.

И в этот момент, глядя на нее, на этот странный, нелепый, совершенно неуместный танец в доме посреди бурана, я ловлю себя на мысли, что люблюсь, и это ощущение не имеет ничего общего ни с контролем, ни с планами, ни с рациональностью.

И это, пожалуй, самое тревожное открытие за весь день.

Глава 9. Вера

Свет мигает один раз, второй, а потом сдается окончательно, но я даже не останавливаюсь, просто улыбаюсь этой внезапной темноте, как очередному сюрпризу дня, и автоматически включаю фонарик на телефоне, выхватывая из полумрака ближайшие предметы и собственные голубые рукава, которые в этом свете выглядят особенно нарядно и совершенно неуместно для серьезных разговоров.

— Ну конечно, — говорю я вслух, — когда еще, если не сейчас.

И продолжаю кружиться по комнате, будто ничего не произошло, напевая мелодию вполголоса и позволяя музыке вести меня дальше, чем обычно позволяют обстоятельства, пока через пару поворотов не замечаю, что Артем стоит у стены и, кажется, наблюдает за мной уже какое-то время, не вмешиваясь и не комментируя, словно боится спугнуть редкое природное явление.

— Это... — он запинается, потом берет паузу, — часть концепции?

Я замираю на месте, луч фонарика дрожит в моей руке, направляясь куда-то в пол. Внезапно я остро, до жжения в щеках, ощущаю весь этот абсурд: костюм, танцы в темноте, его взгляд. Все это со стороны должно выглядеть как полное помешательство.

— Простите, — шепчу я, и мой голос звучит слишком тихо, почти детски смущенно. — Я не знала, что вы... здесь.

— И я не знал, — перебивает он слишком быстро, и тут же смущенно замолкает, явно жалея, что вообще начал эту фразу, что нарушил хрупкое равновесие.

Мы оба застываем в темноте, разделенные пространством комнаты и одинаковой растерянностью. Как себя вести, когда вокруг темно и тихо, а между вами невысказанные обвинения и нелепый костюм Снегурочки?

— Я... я сейчас переоденусь, — выпаливаю я, делая резкий, почти панический шаг в сторону елки, к коробке.

— Не надо, — слишком быстро, почти резко звучит его ответ. Он тут же откашливается, стараясь вернуть голосу ровную, деловую интонацию, но выходит лишь сдавленно. — То есть... если хотите, конечно. Я не настаиваю.

Я останавливаюсь, поворачиваюсь к нему. Его лицо скрыто тенью, виден лишь смутный силуэт.

— То есть, — уточняю я, и в голосе уже проскальзывает невольная улыбка, — Снегурочка вас не смущает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.